DOI: 10.37892 2500-2902-2023-50-3-7-22

М. П. Безенова

Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию морфологических особенностей первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна начала XIX в. Целью исследования является определение диалектной основы этих источников.

В работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Источниковой базой исследования послужил корпус рукописных текстов первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Российском государственном историческом архиве. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. Предпринята попытка определения инновационного либо архаичного характера всех зафиксированных в исследуемых письменных источниках особенностей.

В результате анализа в рукописях был выявлен ряд инноваций, на основе которых можно судить о диалектной принадлежности письменных памятников. Соотнесение этих особенностей с современными удмуртскими диалектами позволило предположить, что в основе рукописей лежат говоры верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. В памятниках также были зафиксированы некоторые архаизмы, которые на сегодняшний день уже не встречаются в северноудмуртских говорах. Кроме того, в рассмотренных текстах, как и в других письменных источниках этого периода, отчетливо прослеживается орфографическая норма, согласно которой к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, присоединяются морфологические показатели с *и*-овой инициалью, а в остальных случаях употребляются *ы*-овые форманты.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

DIALECT BASIS OF THE FIRST UDMURT TRANSLATIONS OF THE GOSPEL OF JOHN

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article focuses on the morphological features of the first manuscript translations of the Gospel of John made at the beginning of the 19th century. The aim of the study is to determine the dialect basis of these sources.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possessiveness, case) and verb (voice, mood, tense) as well as non-finite forms of the verb (infinitive, participle, gerund). The study is based on the corpus of handwritten texts that includes the first Udmurt translations of the Gospel of John, stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and in the Russian State Historical Archive. The analysis has been carried out by comparing the linguistic data collected from the sources with the Udmurt literary language and its dialects in order to determine the innovative or archaic nature of the features identified in the sources under analysis.

The analysis reveals a number of innovations, which indicate the dialect affiliation of the written records. The correlation of these features with modern Udmurt dialects suggests that the Upper-Cheptsa and Middle-Cheptsa dialects of the Northern dialect are the basis of the manuscripts. The sources also witness to a number of archaisms, which today can no longer be found in the Northern Udmurt dialects. In addition, in the texts under analysis, as well as in other written sources of this period, the spelling norm can clearly be traced, according to which the morphological indicators with an *и* initial are attached to stems ending in vowels and soft consonants, and in other cases the *ы* formants are used.

Keywords: the Udmurt language, written record, Gospels, morphological features, Udmurt dialects

Описание морфологических особенностей рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2 «Корпус первых удмуртских переводов Евангелий». Анализ морфологии рукописи из РГИА выполнен при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

На сегодняшний день известно о двух переводах Евангелия от Иоанна на удмуртский язык начала XIX в.[1] Оба варианта не были опубликованы, находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, д. 244, 61 л.) и в Российском государственном историческом архиве (ф. 808, оп. 1, 1821 г., д. 177). Рукопись, хранящаяся в СПбФ АРАН, ранее уже была рассмотрена в нескольких статьях (см. [Ившин 2012; Камитова, Ившин 2012; Кайсина 2013]). Второй вариант перевода из РГИА, напротив, еще не становился объектом лингвистических исследований.

По данным П. Н. Луппова, над переводом Евангелия от Иоанна в начале XIX в. работали «священникъ с. Дебесъ Павелъ Тропинъ и священникъ с. Балезинскаго Стефанъ Анисимовъ» [Луппов 1905: 11], т. е., по всей видимости, перевод был выполнен «по глазовскому нарѣчію». Однако в работе [Камитова, Ившин 2012: 15] авторы отмечают, что в тексте [Иоанн АРАН] «есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу ⟨…⟩. С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе». При этом анализ фонетических особенностей рукописи [Иоанн АРАН] также указывает, что данный перевод ближе к изданной в 1847 г. удмуртской Азбуке на сарапульском, а не на глазовском наречии [Кайсина 2013: 106].

Как видим, вопрос диалектной основы первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна на сегодняшний день остается открытым. В связи с этим в рамках данной статьи мы предпримем попытку проанализировать эти источники на уровне морфологии с целью выявления их диалектной принадлежности. В работе будут описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), характерные для современного удмуртского языка. Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. свидетельствует о том, что для определения их диалектной принадлежности не обязательно сравнивать языковые особенности источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, но при этом следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменных источников важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие — архаизмами.

2. Именная морфология

2.1. Число

Категория числа в современном удмуртском языке основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Для форм единственного числа характерно отсутствие формальных показателей. Множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса *-ос*, присоединяемого к основам, оканчивающимся на гласный, или *-йос* (графически *-ёс*), который употребляется после основ с финальным согласным. Однако в отдельных южных [Кельмаков 2006: 116], северноудмуртских [Карпова 2018: 168—169] и бесермянских[2] говорах встречаются случаи образования форм множественного числа с помощью суффикса *-йос* не только от основ с ауслаутным согласным, но и от основ с конечным гласным. Эти формы в удмуртских диалектах, вероятно, являются архаичными, поскольку, согласно существующим на сегодняшний день гипотезам [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011: 36 и др.], в составе данного морфологического показателя изначально был согласный *й*, т. е. маркер *-йос* имеет первичное происхождение, а *-ос* — вторичное.

Образование форм множественного числа имен существительных в исследуемых рукописях также не совпадает с современной литературной нормой. В переводе [Иоанн РГИА] функционирует суффикс ***-îôсъ***, который присоединяется как к основам на согласный, так и к основам с финальным гласным[3], ср.:

[1] Оба варианта размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка на сайте http://udmcorpus.udman.ru/memorials, который и послужил источником анализируемого материала.

[2] Согласно данным мультимедийного бесермянского корпуса http://multimedia-corpus.beserman.ru/search.

[3] Подобные формы характерны и для южноудмуртских памятников конца XIX — начала XX в., некоторые примеры зафиксированы и в северноудмуртском письменном источнике [Безенова 2022а: 353].

*пыжъ**і̂осъ* ‘лодки’[4] PL — литер. *пыжъ**ёс*, *синъ**і̂осъ* ‘глаза’ PL — литер. *синъ**ёс*, *шуръ**і̂осъ* ‘реки’ PL — литер. *шуръ**ёс* и др.;

*адями-**і̂осъ* ‘люди’ PL — литер. *адями**ос*, *бецеі̂осъ* ‘братья’ PL — литер. *бече**ос* ‘родственники’, *пудоі̂осъ* ‘животные’ PL — литер. *пудо**ос* и др.

В рукописи [Иоанн АРАН] в целом выступает тот же принцип, однако, кроме основного маркера ***-і̂осъ***, в нескольких формах представлен суффикс ***-осъ***, ср.:

*висись**і̂осъ* ‘больные’ PL — литер. *висись**ёс*, *синтэмъ**і̂осъ* ‘слепые’ PL — литер. *синтэмъ**ёс*, *ці̂орыгъ**і̂осъ* ‘рыбы’ PL — литер. *чорыгъ**ёс*; *кі**і̂осъ* ‘руки’ PL — литер. *ки**ос*, *кузі̂о**і̂осъ-т**э* ‘твоих хозяев’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *кузё**ост**э*, *пудоі̂осъ* ‘животные’ PL — литер. *пудо**ос* и др.;

*архіере́**осъ* ~ *архиере́**осъ* ‘архиереи’ PL < рус. *архиерей*, *Галиле**о̀съ* ‘галилеяне’ PL < рус. *Галилея*, *дина́рі**осъ* ‘динарии’ PL < рус. *динарий*, *евре́**осъ* ‘евреи’ PL < рус. *еврей*, *Іуде́**осъ* ~ *Іуде**осъ* ‘иудеи’ PL < рус. *Иудея*, *Самарі**осъ* ‘самаряне’ PL < рус. *Самария* (ср. *Самарі**і̂осъ* PL), *фарисе́**осъ* ~ *фарисе**осъ* ‘фарисеи’ PL < рус. *фарисей* (ср. *фарисе**і̂осъ**-лэ̀сь* ~ *фарисе**і̂осъ**лэсь* PL-ABL).

Несмотря на то, что маркер *-осъ* во всех приведенных выше примерах присоединяется к гласной, по нашему мнению, здесь он не представляет собой языковую особенность памятника, а, скорее всего, является лишь графическим приемом, поскольку, как видим, данный показатель употребляется исключительно с заимствованными лексемами, при этом в номинативе все они оканчиваются на *й* или йотированную гласную.

2.2. Притяжательность

Посессивность в современном удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами, представленными в таблице 1 (подробнее см. [ГСУЯ 1962: 82; УКК 2011: 36—37]).

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы имен существительных

	Один обладатель	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	*-э(-)/-е(-)*, *-ы(-)*, *-м(-)*[5]	*-ы(-)*, *-м(-)*
2-е лицо	*-эд(-)/-ед(-)*, *-ыд(-)*, *-д*, *-д-/-т-*	*-ыд(-)*, *-д*, *-т-*
3-е лицо	*-эз(-)/-ез(-)*, *-ыз(-)*, *-з*, *-з-/-с-*	*-ыз(-)*, *-з*, *-с-*
	Много обладателей	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	*-мы(-)*, *-м-*	*-мы(-)*, *-м-*
2-е лицо	*-ды(-)/-ты(-)*, *-ды*, *-д-/-т-*	*-ты(-)*, *-ды*, *-т-*
3-е лицо	*-зы(-)/-сы(-)*,*-зы*, *-з-/-с-*	*-сы(-)*, *-зы*, *-с-*

Аналогичные маркеры характерны и для первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна, ср.:

[Иоанн АРАН]: *дышэтыс**е* ‘мой учитель’ POSS.1SG — литер. *дышетїс**е*, *синм**ы̀*** ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. *синм**ы***, *картэд**ъ*** ‘твой муж’ POSS.2SG — литер. *картэ**д***, *вын**ы̀дъ*** ‘твой брат’ POSS.2SG — литер. *вын**ыд***, *висі̂он**э̀зъ*** ‘его болезнь’ POSS.3SG — литер. *висён**эз***, *сюлм**ы̀зъ*** ‘его сердце’ POSS.3SG — литер. *сюлм**ыз***, *селыкъ-і̂осъ-**т**э̀* ‘твои грехи’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *сьӧлыкъёс**т**э*, *ужъі̂ос**ы̀зъ*** ~ *ужъі̂ос**ы̀съ*** ‘его дела’ PL-POSS.3SG — литер. *ужъёс**ыз***, *бубы**мы̀*** ‘наш отец’ POSS.1PL — литер. *бубы**мы*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *карт**э̀*** ‘мой муж’ POSS.1SG — литер. *карт**э***, *пі**эдъ*** ‘твой сын’ POSS.2SG — литер. *пи**ед***, *ужъ**э̀зъ*** ‘его дело’ POSS.3SG — литер. *уже**з***, *дыр**ы́зъ*** ‘его время’ POSS.3SG — литер. *дыр**ыз***, *синъі̂ос**ы́дъ*** ‘твои глаза’ PL-POSS.2SG — литер. *синъёс**ыд***, *бецеі̂ос**ы̀зъ*** ‘его братья’ PL-POSS.3SG — литер. *бечеос**ыз*** ‘его родственники’, *ужъ**мы*** ‘наше дело’ POSS.1PL — литер. *ужм**ы***, *аиі̂ос**мы̀*** ‘наши отцы’ PL-POSS.1PL — литер. *айыос**мы*** и др.

Кроме того, в текстах рукописей при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному обладателю встречаются особые формы, маркированные притяжательными суффиксами с *и*-овой огласовкой:

[Иоанн АРАН]: *буб**изъ*** ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *буб**из*/*бубы**ез***, *буб**изъ**лэ̀сь* ‘у его отца’ POSS.3SG-ABL — литер. *буб**из**лэсь*/*бубы**ез**лэсь*, *буб**из**лы̀* ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT — литер. *буб**из**лы*/*бубы**ез**лы*,

[4] Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю http://udmcorpus.udman.ru/dictionary с учетом контекстов.

[5] Посессивные маркеры без препозитивных огласовок функционируют в ряде косвенных падежей: аккузативе, инструментале, инессиве, иллативе, элативе, эгрессиве, пролативе и терминативе.

*мум**ѝзъ*** ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мум**из**/мумы**ез***, *мум**излы̀*** ‘его матери’ POSS.3SG-DAT — литер. *мум**излы**/мумы**езлы***;

[Иоанн РГИА]: ***аѝ*** ‘мой отец’ POSS.1SG — литер. *ай**и**/айы**е***, ***аи́дъ*** ‘твой отец’ POSS.2SG — литер. *ай**ид**/айы**ед***, ***аи́зъ*** ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *ай**из**/айы**ез***, *мум**аи́зъ*** ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мум**из**/мумы**ез*** и др.

Данные форманты имеют ограниченное употребление. В современном удмуртском языке они используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’ [УКШГК 2022: 52—53]. Территориально указанные формы распространены в говорах северной диалектной зоны [ДАУЯ 2013: 59, 63; Карпова 2018: 175]. По мнению С. А. Максимова, гласный *и* в подобного рода словах восходит к уменьшительно-ласкательному суффиксу. «Возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери ⟨…⟩, слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции называния, в которой оно ⟨…⟩ воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [Максимов 2013: 211].

2.3. Падеж

Система склонения современного удмуртского литературного языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В рукописных переводах Евангелия от Иоанна мы выявили лишь 12 падежей, адвербиальные, эгрессивные и аппроксимативные формы на рассмотренных страницах источников отсутствуют, что, вероятно, связано с меньшей их частотностью в удмуртском языке. При этом следует упомянуть, что в отдельных говорах южной диалектной зоны отмечается сокращение количества падежей вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и терминативных форм послеложными конструкциями [Кельмаков 2006: 117—118]. Однако в текстах рукописей не представлены не только морфологически маркированные падежные формы, но и послеложные конструкции, которые могли бы их заменить, т. е. в анализируемых письменных источниках в целом отсутствуют семантически подходящие контексты.

В таблице 2 даны все падежные маркеры имен существительных, встречающиеся в текстах. Как видим, в памятниках наблюдаются некоторые отклонения от литературных норм, связанные с внешним оформлением падежных формантов.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют формы творительного падежа единственного числа, зафиксированные в [Иоанн АРАН], которые образованы с помощью маркеров ***-энынъ*** и ***-ынынъ***: *выдэм**энын̀ъ*** ‘лежанием’ INS — литер. *выдэм**ен***, *кышно**энын̀ъ*** ‘с женой’ INS — литер. *кышно**ен***, *улэм**энын̀ъ*** ‘жизнью’ INS — литер. *улэм**ен***, *ним**ынын̀ъ*** ‘именем’ INS — литер. *ним**ын***, *синм**ынын̀ъ*** ‘глазами’ INS — литер. *синм**ын*** и др. В памятнике они функционируют довольно широко наряду со стандартными формами с суффиксами *-энъ*/*-енъ*, *-ынъ*, ср.: *ву**э̀нъ*** ‘водой’ INS — литер. *ву**эн***, *Моисе**енъ*** ‘с Моисеем’ INS — литер. *Моисе**ен***, *цини**э̀нъ*** ‘пальцем’ INS — литер. *чиньы**ен***, *лул**ы̀нъ*** ‘душой’ INS — литер. *лул**ын***, *мылъ кыд**ын̀ъ*** — литер. *мылкыд**ын***, *ним**ы̀нъ*** ‘именем’ INS — литер. *ним**ын*** и др. Возможно, выявленные примеры свидетельствуют о диалектной особенности языка рукописи [Иоанн АРАН], однако доказательств этого на данный момент у нас, к сожалению, нет, поскольку подобные формы мы ранее не фиксировали ни в письменных источниках, ни в современных диалектах удмуртского языка.

Соответствия маркеров с *и*-овой инициалью в инессиве, элативе и пролативе *ы*-овым в литературном, на наш взгляд, объясняются орфографической нормой рассматриваемых письменных источников, которая характерна и для переводов Евангелий от Матфея и от Марка (см. подробнее [Безенова 2022б: 12—13]), а именно: показатели с *и*-овой огласовкой в рукописях употребляются после основ с конечной гласной[6]:

[Иоанн АРАН]: *дуни**ѝнъ*** ‘в мире’ INE — литер. *дуннe**ын***, *книга**а̀нъ*** ‘в книге’ INE — литер. *книга**ын***, *мэста**а̀нъ*** ‘в месте’ INE — литер. *места**ын***; *дуни**ѐсь*** ~ *дуни**ѝсь*** ‘из мира’ ELA — литер. *дуннe**ысь***, *Iудe**и́сь*** ‘из Иудеи’ ELA — литер. *Иудея**ысь***, *мэста**и́сь*** ‘из места’ ELA — литер. *места**ысь*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *Виθара**и́нъ*** ‘в Вифаре’ INE — литер. *Вифара**ын***, *Галилея**и́нъ*** ‘в Галилее’ INE — литер. *Галилея**ын***, *Кана**и́нъ*** ‘в Кане’ INE — литер. *Кана**ын***; *Виθсаида**и́сь*** ‘из Вифсаиды’ ELA — литер. *Вифсаи-*

[6] Указанная орфографическая норма, возможно, основана на следующем фонетическом явлении: после гласной основы перед гласным показателя местного падежа в удмуртском языке вставляется звук ***й***, который приводит к частичному продвижению вперед гласного ***ы***, превращая его в звук, промежуточный между ***ы*** и ***и***. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело также с влиянием русской орфографии, где после ***й*** звук/буква ***ы*** не встречается.

Таблица 2. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	[Иоанн АРАН]	[Иоанн РГИА]	литер.	[Иоанн АРАН]	[Иоанн РГИА]	литер.
номинатив	*ø*	*ø*	*ø*	*ø*	*ø*	*ø*
аккузатив	*-эзъ* *ø* *-э* *-эсъ*	*-эзъ* *ø* *-э*	*-эз*/*-ез* *ø* *-э*/*-е* *-эс*/*-ес*	***-ызъ*/*-ысъ*** *-э* *-эсъ*	*-э*	*-ты*/*-ыз* *-э*/*-е* *-эсъ*
генитив	*-лэнъ*	*-лэнъ*	*-лэн*	*-лэнъ*	*-лэнъ*	*-лэн*
аблатив	*-лэсь*	*-лэсь*	*-лэсь*	*-лэсь*	*-лэсь*	*-лэсь*
датив	*-лы*	*-лы*	*-лы*	*-лы*	*-лы*	*-лы*
инструменталь	*-энъ*/*-енъ* *-ынъ* ***-энынъ*** ***-ынынъ*** *-ены-*	*-энъ* *-ынъ* *-эны-*/*-ены-* *-ыны-*	*-эн*/*-ен* *-ын* *-эны-*/*-ены-* *-ыны-*	*-ынъ*	*-ынъ*	*-ын*
абессив	*-тэкъ* ~ *-текъ*	*-тэкъ* ~ *-текъ*	*-тэк*			
инессив	*-ынъ*/***-инъ*** *-а-*/*-я-*	*-ынъ*/***-инъ*** *-нъ*	*-ын* *-н* *-а-*/*-я-*	*-ынъ*	*-ынъ*	*-ын*
иллатив	*-э*/*-е* *-а-*/*-я-*	*-э*/*-е* *-а-*/*-я-*	*-э*/*-е* *-а-*/*-я-*		*-а-*	*-а-*
элатив	*-ысь*/***-ись*** *-ысьты-*	*-ысь*/***-ись*** *-ысьты-*	*-ысь* *-ысьты-*			
пролатив	*-эти*	*-ти* ***-ити***	*-этӥ* *-тӥ* *-ытӥ*			
терминатив	*-озь*	*-озь*	*-озь*			

*да**ысь***, *инти-**и́сь*** ‘из места’ ELA — литер. *инты**ысь***, *кі**и́сь*** ‘из руки’ ELA — литер. *ки**ысь***; *Самарія**итӥ*** ‘по Самарии’ PROL — литер. *Самария**ытӥ*** и др.

Кроме того, в [Иоанн РГИА] встречается такая форма, как *пыласконни́нъ* ‘в купальне (досл. в месте, где купаются)’ — литер. *пыласьконн**и**ын*, в которой инессивный суффикс *-инъ* на первый взгляд присоединяется к согласной. Однако, если учесть литературное соответствие, видим, что в данном случае происходит выпадение конечной *и* основы перед суффиксом инессива. Аналогичное явление прослеживается и в иллативных формах[7], ср.: *пласконънэ̀* ~ *пыласконнэ̀* ‘в купальню (досл. в место, где купаются)’ ILL — литер. *пыласьконн**и**е*, *лулъяцконня́зъ* ‘в место его воскрешения’ ILL-POSS.3SG — литер. *лулъяськонн**и**яз*, *улоння́зъ* ‘в его царство (досл. в место его проживания)’ ILL-POSS.3SG — литер. *улонн**ияз*** и др. Особенность, при которой «в словах с конечным *-н′и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом выпадает гласный *и*» [Максимов 2018: 272—273], представлена в современных среднечепецких говорах удмуртского языка. Стоит также отметить, что сегодня формы с маркером *-ни* активно внедряются в литературный язык, хотя изначально считались исключительно диалектными, характерными для северноудмуртского [Вахрушев 1959: 23; Алашеева 1982: 92] и бесермянского наречий [Тепляшина 1970: 177—178], а также шарканского средневосточного говора [Бушмакин 1969: 61—62].

Случай употребления в [Иоанн АРАН] маркера ***-ысъ*** в соответствии с литературным *-ыз* в аккузативе представлен лишь двумя словоформами (*кылъі̂о**сы̀съ*** ‘слова’ PL-ACC — литер. *кылъёс**ыз***, *ужъі̂о**сы̀съ*** ‘дела’ PL-ACC — литер. *ужъёс**ыз***), поэтому здесь не исключена вероятность опечатки либо это следствие оглушения конечного согласного ***з*** (оба примера в тексте стоят перед лексемами с глухим анлаутным согласным), хотя в целом для текста данной рукописи нехарактерна запись конечных звонких согласных, подверженных оглушению, буквами для глухих.

[7] Единичные примеры обнаруживаются и в [Иоанн АРАН]: *осконна̀зъ* ‘в место его веры’ ILL-POSS.3SG — литер. *осконн**ияз***, *аранна̀зъ* ‘в место его жатвы’ ILL-POSS.3SG — литер. *аранн**ияз***.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке традиционно выделяют две группы залогов: понудительный и непонудительный, возвратный и невозвратный [УКК 2011: 201]. В первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна нам удалось выявить только формы второго типа.

Возвратный залог, противопоставляясь невозвратному с нулевым маркером, в литературном языке образуется с помощью суффиксов *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (от глаголов I спряжения) или *-ськ(ы)-* (от глаголов II спряжения). В рукописях основными формантами возвратного залога являются маркеры:

1) ***-ыськ(ы)-*** (от глаголов I спряжения):

[Иоанн АРАН]: *жуг**ыськ**э̀ вылэ̀мъ* ‘он бился’ REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жуг**иськ**е вылэм*, *кыл**ыськ**ыса̀* ‘послышавшись’ REFL-CONV — литер. *кыл**йськ**ыса*, *мэда̀зъ сэ̀р**ыськ**ы* ‘пусть он не разобьется’ NEG.IMP.3SG-REFL — литер. *медаз сёр**иськ**ы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *кар**ыськ**и́зы* ‘они сделались’ REFL-1PST-3-PL — литер. *кар**иськ**изы*, *лест**ыськ**ӥ̀зъ* ‘он строился’ REFL-1PST-3SG — литер. *лэсьт**йськ**из*, *пырт**ыськ**изы̀* ‘они крестились’ REFL-1PST-3-PL — литер. *пырт**йськ**изы* и др.

2) ***-ськ(ы)-*** (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *вера**ськ**ы**са̀* ‘посоветовавшись’ REFL-CONV — литер. *вера**ськ**ыса*, *вося**ськ**озы̀* ‘они будут молиться’ REFL-FUT-3-PL — литер. *вёся**ськ**озы*, *катья**ськ**ыны̀* ‘исцелиться’ REFL-INF — литер. *катья**ськ**ыны* и др.;

[Иоанн РГИА]: *вося**ськ**иско̀мъ* ‘мы молимся’ REFL-PRS-1PL — литер. *вёся**ськ**иськом(ы)*, *катъя**ськ**э́мъ* ‘он, оказывается, исцелился’ REFL-2PST.3SG — литер. *катья**ськ**ем(ез)*, *меда́зъ то́дма**ськ**э* ‘пусть они не становятся заметными’ NEG.IMP.3-REFL-PL — литер. *медаз тодма**ськ**е* и др.

Как видим, в памятниках в соответствии с литературным *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-* функционирует формант *-ыськ(ы)-* с *ы*-овой огласовкой. Хотя в качестве исключения в [Иоанн РГИА] встречаются две формы с *и*-овым маркером: *жуг**иськ**э̀ валъ* ‘он бился’ REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жуг**иськ**е вал*, диал. *пэяськ**иськ**и́ды* ‘вы прельстились’ REFL-1PST-2-PL. Употребление *ы*-ового варианта в памятниках, с одной стороны, может отражать языковую особенность источников, поскольку для современных говоров северной диалектной зоны характерен *ы*-овый маркер возвратного залога, в то время как для говоров южной диалектной зоны свойственно употребление *и*-ового показателя, при этом маркер с *ы*-огласовкой считается первичным по отношению к *и*-овому [Кельмаков 2006: 66—67]. С другой стороны, *ы*-овый формант может объясняться принятыми в тексте нормами орфографии, поскольку, как показывает опыт описания первых удмуртских переводов Евангелий, в памятниках этого периода суффиксы с *ы*-овой огласовкой, как правило, употребляются после основ с финальным твердым согласным, а *и*-овые — после основ на гласные или мягкие согласные [Безенова 2022б: 12—13]. Во всех выявленных в источниках формах *-ыськ(ы)-* присоединяется к основам, оканчивающимся на твердый согласный. В рукописях нам не удалось обнаружить примеры, образованные от основ с конечным гласным или мягким согласным, поэтому вопрос функционирования *ы*-ового рефлексивного показателя в первых удмуртских переводах Евангелия от Иоанна все же остается открытым.

Кроме того, формы возвратного залога от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются суффиксом ***-цьк(ы)-*** (***-цк(ы)-***)[8]: *бэры**цкы**са̀* ‘обернувшись’ REFL-CONV — литер. *берыт**скы**са*/*берыкт**йськы**са*, *во́р**цьк**изы̀* ‘они родились’ REFL-1PST-3-PL — литер. *ворд**ск**изы*/*ворд**йськ**изы*, *дышэт**цкы**-тэ̀къ* ‘не обучившись’ REFL-CONV — литер. *дышет**скы**тэк*/*дышет**йськы**тэк*, *ку**цьк**илля̀мъ* ‘они, оказывается, взялись’ REFL-2PST.3PL — литер. *кут**ск**иллям(зы)*/*кут**йськ**иллям(зы)*, *мы́кыр**цкы**са̀* ‘преклонив голову’ REFL-CONV — литер. *мыкыр**скы**са*/*мыкырт**йськы**са*. Этот показатель представляет собой модификацию суффикса *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-*, который возник в результате сочетания элемента *т* глагольной основы с согласным *с′* залогового суффикса и зафиксирован в кырыкмасских и граховских южноудмуртских говорах, а также в верхнечепецких говорах северного наречия [Кельмаков 2006: 141].

В тексте [Иоанн РГИА] мы выявили лишь одну лексему с аналогичным формантом *-цк(-)*: *вор**цкы**ны̀* ‘родиться’ REFL-INF — литер. *ворд**ск**ыны*/*ворд**йськы**ны*. Однако в данной рукописи в нескольких формах встречается другой вариант первоначального залогового маркера глаголов I спряжения *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-* — ***-ск(ы)-***, который в целом характерен для северноудмуртских говоров [Карпова 2018: 334—335], а также в настоящее время широко употребляется в литературном языке, ср.: *кышкат**ск**и́зы* ‘они

[8] В рукописи «графема ***ц*** (иногда ***ч*** — с последующими йотированными гласными, *и*, *є* или мягким знаком) обозначает глухую палатальную фонему *ч* (*ć*)» [Камитова, Ившин 2012: 21].

испугались’ REFL-1PST-3-PL — литер. *кышкат**ск**изы*/*кышкат**йськ**изы*; *дышет**ск**иськòдъ* ‘ты учишься’ REFL-PRS-2SG — литер. *дышет**ск**иськод*/*дышет**йськ**иськод*, *дышет**ск**ытэ́къ* ‘не обучившись’ REFL-CONV — литер. *дышет**скы**тэк*/*дышет**йськы**тэк*.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В рукописных текстах первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, как и в современном удмуртском литературном языке и большинстве его диалектов, представлены три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное.

3.2.1. Основным отличительным признаком глагольных форм **изъявительного наклонения** является изменяемость по временам. В удмуртском литературном языке выделяют восемь временных форм, среди которых представлены четыре простых (настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное)) и четыре сложных формы прошедшего времени (I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное) (см. подробнее [УКК 2011: 170]).

Рассмотрение глагольных форм, представленных в памятниках, показало, что в рукописях, как и в случае с падежными маркерами, действует орфографическая норма, согласно которой суффиксы с *и*-овой инициалью присоединяются к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, а в остальном употребляются *ы*-овые форманты, хотя отклонения от этого правила в источниках не исключены. Эта закономерность явно прослеживается в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени и 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованных от глаголов I спряжения:

[Иоанн АРАН]: *луиськò* ‘становлюсь’ PRS.1SG — литер. *луисько*, *оскыськòдъ* ‘веришь’ PRS.2SG — литер. *оскиськод*, *оскыськòмъ* ‘верим’ PRS-1PL — литер. *оскиськом(ы)*, *оскыськоды̀* ‘верите’ PRS-2-PL — литер. *оскиськоды*; *кылылля́мъ* ‘они, оказывается, услышали’ 2PST.3PL — литер. *кылӥллям(зы)* и др.;

[Иоанн РГИА]: *возиськò* ‘держу’ PRS.1SG — литер. *возисько*, *улыськòдъ* ‘живешь’ PRS.2SG — литер. *улӥськод*, *адзиськòмъ* ‘видим’ PRS-1PL — литер. *адзӥськом(ы)*, *ваисько́ды* ‘приносите’ PRS-2-PL — литер. *вайиськоды*; *пуксилля́мъ* ‘они, оказывается, сели’ 2PST.3PL — литер. *пуксиллям(зы)* и др.

Кроме того, указанная норма функционирует в тексте [Иоанн АРАН] при маркировке утвердительных форм прошедшего очевидного времени (от глаголов I спряжения), тогда как в [Иоанн РГИА], напротив, практически все соответствующие формы вне зависимости от конечной фонемы глагольной основы оформляются суффиксом *-и(-)*, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *лыкты̀* ‘я пришел’ 1PST.1SG — литер. *лыктӥ*, *возӥ̀дъ* ‘ты держал’ 1PST-2SG — литер. *возид*, *ваӥ̀зъ* ‘он принес’ 1PST-3SG — литер. *вайиз*, *кылымы̀* ‘мы услышали’ 1PST-1-PL — литер. *кылӥм(ы)*, *лыктыды̀* ‘вы пришли’ 1PST-2-PL — литер. *лыктӥды*, *улызы̀* ‘они жили’ 1PST-3-PL — литер. *улӥзы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *лестӥ̀* ‘я сделал’ 1PST.1SG — литер. *лэсьтӥ*, *бурми́дъ* ‘ты исцелился’ 1PST-2SG — литер. *бурмид*, *адзӥ̀зъ* ‘он увидел’ 1PST-3SG — литер. *адзӥз*, *шедьти́мы* ‘мы нашли’ 1PST-1-PL — литер. *шедьтӥм(ы)*, *сии́ды* ‘вы съели’ 1PST-2-PL — литер. *сииды*, *тырмыти́зы* ‘они наполнили’ 1PST-3-PL — литер. *тырмытӥзы* и др.

На уровне морфологии в анализируемых памятниках можно отметить некоторые особенности.

1) В нескольких случаях формы настоящего времени от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются показателями ***-цько-***, ***-цьк-*** в соответствии с литературными *-йсько-*, *-йськ-*: *то**цькò*** ‘я знаю’ PRS.1SG — литер. *тод**йсько*, *мэ́д**цькòдъ* ‘ты намереваешься’ PRS-2SG — литер. *мед**йськод*, *то**цькòмъ* ‘мы знаем’ PRS-1PL — литер. *тод**йськом(ы)*, *ква́рэ**цькоды̀*** ‘вы ругаетесь’ PRS-2-PL — литер. *куарет**йськоды*, *угъ быгат**цькы̀*** ‘я не могу’ NEG.1SG-PRS-SG — литер. *уг быгат**йськы*** и др. Данное явление в рукописи, как и в случае с показателем возвратного залога, объясняется модификацией *-ис'ко-*, *-ис'к-*, возникшей в результате сочетания конечного согласного глагольной основы с суффиксальным *с'*, и также отмечено в кырыкмасских и граховских говорах центрально-южного диалекта и в верхнечепецком диалекте северного наречия [Кельмаков 2006: 147—148]. В [Иоанн РГИА] подобные формы мы выявили лишь от одной лексемы, притом, как правило, параллельно они употребляются и с маркером *-ысько-* ~ *-иcько-*: *то**цькò*** ~ *тод**ыськò*** ~ *тод**иськò*** ‘я знаю’ PRS.1SG — литер. *тод**йсько*, *то**цько́**дъ* ‘ты знаешь’ PRS-2SG — литер. *тод**йськод*, *то**цькòмъ*** ~ *тод**ысько́**мъ*** ~ *тод**исько́**мъ*** ‘мы знаем’ PRS-1PL — литер. *тод**йськом(ы)*.

2) Наряду с общеудмуртскими отрицательными формами прошедшего очевидного времени, образованными путем сочетания основы знаменательного глагола с изменяющимся по лицам и числам вспомогательным отрицательным глаголом (*ӧй*, *ӧд*, *ӧз*, *ӧм*, *ӧд*, *ӧз*), в рукописях встречаются конструкции, со-

стоящие из отрицательной формы будущего времени и двукратно повторяющейся частицы *на* ‘еще’, также указывающие на действие в прошлом[9], ср.:

[Иоанн АРАН]: *эй то́дъ* ‘я не знал’ NEG.1PST.1SG — литер. *ӧй тод(ы)*, *э́зъ о́скы* ‘он не поверил’ NEG.1PST.3SG — литер. *ӧз оскы*, *эмъ во́рцькылэ* ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *ӧм вордӥське(лэ)*, *эдъ ва́илэ* ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *ӧд вае(лэ)*, *эзъ о́скылэ* ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *ӧз оске(лэ)*; *эзъ то́дмӑ* ‘он не узнал’ NEG.1PST.3SG — литер. *ӧз тодма*, *э́дъ у́жалэ* ‘вы не делали’ NEG.1PST.2-PL — литер. *ӧд ужалэ*, *эзъ ва́лалэ* ‘они не поняли’ NEG.1PST.3-PL — литер. *ӧз валалэ* и др.;

узнӑ адзинӑ ‘он не видел’ NEG.FUT.3SG, *узнӑ адзилынӑ* ‘он не видал’ NEG.FUT.3SG-ITER, *узнӑ вуинӑ* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *узнӑ кулнӑ* ‘он не умер’ NEG.FUT.3SG, *узнӑ этинӑ* ‘он не позвал’ NEG.FUT.3SG;

[Иоанн РГИА]: *эй лыкты* ‘я не пришел’ NEG.1PST.1SG — литер. *ӧй лыкты*, *э́зъ и́сты* ‘он не послал’ NEG.1PST.3SG — литер. *ӧз ысты*, *эдъ ва́илэ* ‘вы не приносили’ NEG.1PST.2-ITER-PL — литер. *ӧд вайылэ*, *эзъ то́дэлэ* ‘они не узнали’ NEG.1PST.3-PL — литер. *ӧз тодэ(лэ)*; *эзъ верӑ* ‘он не сказал’ NEG.1PST.3SG — литер. *ӧз вера*, *э́зъ се́лыкалэ* ‘они не согрешили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *ӧз сьӧлыкалэ* и др.;

удъ нӑ кылынӑ ‘ты не слышал’ NEG.FUT.2SG, *узъ нӑ вордськинӑ* ‘он не родился’ NEG.FUT.3SG, *узъ нӑ вуинӑ* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *узъ нӑ тырмытськи́на* ‘оно не исполнилось’ NEG.FUT.3SG, *удъ на а́дзилена* ‘вы не видели’ NEG.FUT.2-PL.

Подобные формы в свое время были зафиксированы в кукморских [Кельмаков 1969: 382—385] и граховских [Атаманов 1981: 52] говорах южноудмуртского наречия и, по мнению диалектологов, являются архаичными [Кельмаков 1969: 383].

3) Показателем множественного числа отрицательных форм 1-го и 2-го лица настоящего времени от глаголов II спряжения, а также всех трех лиц будущего и прошедшего очевидного времени от глаголов I спряжения в современном удмуртском языке является суффикс *-э(лэ)*/*-е(лэ)*. В тексте [Иоанн АРАН] данные формы маркируются формантом ***-лэ***, ср.:

*удӑ малпаськы́**лэ*** ‘вы не думаете ли’ NEG.2PL-PRS-PL — литер. *уд-а малпаськ**е(лэ)***; *удъ во́сяськы**лэ*** ‘не будете молиться’ NEG.FUT.2-PL — литер. *уд вӧсяськ**е(лэ)***; *эмъ во́рцькы**лэ*** ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *ӧм вордӥськ**е(лэ)***, *эдъ ва́и**лэ*** ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *ӧд ва**е(лэ)***, *эзъ о́скы**лэ*** ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *ӧз оск**е(лэ)*** и др.[10]

Мы считаем, что выявленные в памятнике формы, скорее всего, имеют более архаичный характер по сравнению с современными. Согласно И. В. Тараканову, элемент *-л-* маркера множественного числа повелительного наклонения, который также обозначается как *-э(лэ)*/*-е(лэ)*, вероятно, представляет собой исчезнувший согласный *л* основы глаголов II спряжения [Тараканов 1984: 26]. Возможно, изначально этот показатель множественного числа в виде *-лэ* был един как для форм, образованных от глаголов I, так и глаголов II спряжения. Однако с течением времени обязательный характер *л*-ового маркера мог сохраниться лишь для форм II спряжения (ср. литер. *ум ужал**э*** ‘мы не будем работать’, *уд ужал**э*** ‘вы не будете работать’, *уз ужал**э*** ‘они не будут работать’; *ӧм ужал**э*** ‘мы не работали’, *ӧд ужал**э*** ‘вы не работали’, *ӧз ужал**э*** ‘они не работали’). На архаичность обнаруженных форм, на наш взгляд, указывает и отсутствие фиксаций подобных примеров в современных удмуртских диалектах, а также более предпочтительное употребление в устной и в письменной речи кратких вариантов глагольных форм I спряжения без *-лэ*.

4) Отрицательные формы прошедшего неочевидного времени в северноудмуртских говорах образуются аналитическим способом: сочетанием отрицательной частицы *ӧвӧл* ‘не; нет’ с формой основного глагола [Карпова 2018: 322]. Подобных примеров в рукописях мы не выявили, однако в тексте [Иоанн АРАН] зафиксировали форму, образованную синтетическим способом: *улыллямтэ̀* ‘они, оказывается, не жили’ NEG.2PST.3PL — литер. *улӥллямтэ(зы)*. Стоит отметить, что такой способ образования характерен для южноудмуртских и некоторых срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 152].

3.2.2. Утвердительные формы **повелительного наклонения** единственного числа в рукописях, как и в современном удмуртском языке, не имеют морфологического маркера, т. е. совпадают с основой глагола[11].

[9] *Инма̀ръзэ̀ нӧ̀ кӥ̀нъ нӧ̀ кытӹ̀нъ но́* ***узнӑ адзинӑ****: одӹ̀гъ ворцькэ̀мъ Пӥ̀езъ, улӹ̀сь Бубӥ̀злэнъ та̀зъ, Со̀ возьматӹ̀зъ*. ‘Бога **не видел** никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил’ [Иоанн АРАН, 1: 18]; *Кушки́зы но кутыны̀ Соэ̀, нокӥ́нъ но бе́нъ эзъ по́нъ Со̀ вылэ̀ кизэ̀, со поннӑ, что* ***узъ нӑ вуинӑ*** *часэ̀зъ Солэ́нъ*. ‘И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще **не пришел** час Его’ [Иоанн РГИА, 7: 30] и др.

[10] Формально указанные примеры совпадают с глаголами многократного вида с суффиксом *-л-*, однако контексты их употребления не указывают на повторяемость действий.

[11] Конечная гласная глагольных основ I спряжения *-ы* при отсутствии сочетания согласных в основе слова, как и в литературном языке, выпадает.

Формы множественного числа в тексте [Иоанн АРАН], в отличие от литературного языка, для которого характерно функционирование двух суффиксов *-э(лэ)*/*-е(лэ)* (I спряжение) и *-лэ* (II спряжение), маркируются показателем ***-лэ***, присоединяемым к глагольным основам как I, так и II спряжения. В [Иоанн РГИА] множественное число императивных форм от глаголов I спряжения оформляется не только суффиксом ***-лэ***, но и ***-э(лэ)***, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *мы́нъ* ‘иди’ IMP.2SG — литер. *мын*, *су́лты* ‘встань’ IMP.2SG — литер. *султы*, *мы́нылэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ)*, *у́цькылэ* ‘посмотрите’ IMP.2PL — литер. *учке(лэ)*; *ювà* ‘спроси’ IMP.2SG — литер. *юа* и др.;

[Иоанн РГИА]: *о́скы* ‘поверь’ IMP.2SG — литер. *оскы*, *э́ть* ‘позови’ IMP.2SG — литер. *ӧть*, *мы́нэлэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ)*, *о́мыртылэ* ‘почерпните’ IMP.2PL — литер. *омыртэ(лэ)*, *ты́рмытэ* ‘наполните’ IMP.2PL — литер. *тырмытэ(лэ)*; *ю́валэ* ‘спросите’ IMP.2PL — литер. *юалэ* и др.

Явление употребления в рукописях маркера *-лэ* в соответствии с литературным *-э(лэ)*/*-е(лэ)* в императивных формах множественного числа, образованных от глаголов I спряжения, как и в случае с показателем множественного числа настоящего, будущего и прошедшего очевидного времени, вероятно, имеет архаичный характер. Притом интересно, что в рукописи [Иоанн РГИА], в отличие от [Иоанн АРАН], параллельно функционируют как устаревшие, так и более инновационные формы с маркерами *-э* и *-элэ*.

Отрицательный аспект повелительного наклонения в памятниках, как и в литературном языке и в современных удмуртских диалектах, образуется сочетанием соответствующих утвердительных форм с неизменяемым препозитивным отрицательным глаголом ***энъ***:

[Иоанн АРАН]: *энъ ка́рылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ)*, *энъ кварэты́лэ* ‘не ругайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн куаретэ(лэ)*; *энъ абдра* ‘не удивляйся’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн абдра*, *энъ сэ́лыка* ‘не согреши’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сьӧлыка*, *энъ кы́шкалэ* ‘не бойтесь’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн кышкалэ*, *энъ ма́лпалэ* ‘не думайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн малпалэ* и др.;

[Иоанн РГИА]: *энъ и́шты* ‘не потеряй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн ышты*, *э́нъ ка́рылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ)*, *э́нъ о́скылэ* ‘не верьте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн оске(лэ)*; *э́нъ се́лыка* ‘не согреши’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сьӧлыка* и др.

В современном удмуртском литературном языке выделяют также аналитические формы повелительного наклонения, которые представляют собой сочетание знаменательного глагола в будущем времени с препозитивной утвердительной частицей *мед* ‘пусть’ или отрицательной *медам* ‘пусть не’ [Тараканов 1984: 28; УКК 2011: 168][12]. Подобные примеры встречаются и в рукописях, при этом в памятниках зафиксирована отрицательная частица *мэдазъ*, указывающая на 3-е лицо:

[Иоанн АРАН]: *мэ́дъ лыкто́зъ* ‘пусть он придет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед лыктоз*, *ме́дъ сіо̂тӧмъ* ‘пусть мы дадим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед сётом(ы)*, *мэдъ оскоды̀* ‘пусть вы поверите’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед оскоды*, *мэ́дъ адзіо̂зы̀* ‘пусть они увидят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед адзӧзы*, *мэдà̀зъ и́шъ* ‘пусть он не потеряется’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз ышы*; *мѐдъ верало̀зъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз* и др.;

[Иоанн РГИА]: *ме́дъ шедьто́зъ* ‘пусть он найдет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед шедьтоз*, *медъ адзіо̂мъ* ‘пусть мы увидим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед адзӧм(ы)*, *ме́дъ шедьто́ды* ‘пусть вы найдете’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед шедьтоды*, *меда́мъ ве́тлы* ‘пусть я не буду приходить’ NEG.IMP.1SG — литер. *медам ветлы*, *меда́зъ быръ* ‘пусть он не погибнет’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз быры*; *ме́дъ верало̀зъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз*, *медъ ювало́зы* ‘пусть они спросят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед юалозы* и др.

Стоит отметить, что для современных северноудмуртских говоров, за исключением нижнечепецкого диалекта, свойственно функционирование неизменяемой отрицательной частицы *медам* во всех трех лицах [Карпова 2018: 306]. Наличие в исследуемых рукописях *мэдазъ*, скорее всего, связано с тем, что по своему происхождению система отрицательных частиц, оформленных лично-притяжательными суффиксам (*медам*, *медад*, *медаз*), более архаична по сравнению с системой, состоящей из частицы *медам*, характерной для всех трех лиц [Кельмаков 2006: 146].

3.2.3. Формы **сослагательного наклонения** в рукописях, как и в удмуртском литературном языке и его диалектах, маркируются суффиксом ***-сал(-)***:

[Иоанн АРАН]: *кур**са̀лъ*** ‘ты бы попросил’ SBJV.2SG — литер. *куры**сал**(ыд)*, *сіо̂т**са̀лъ*** ‘он бы дал’ SBJV.3SG — литер. *сёты**сал**(ыз)*, *вэра**са̀лъ*** ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *вера**сал**(ыз)*, *оскы**салъды̀*** ‘вы бы поверили’ SBJV-2-PL — литер. *оскы**сал**ды*, *э̀й кул**са̀лъ*** ‘он бы не умер’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ӧй кулы**сал**(ыз)* и др.;

[12] По мнению некоторых исследователей, эти формы в удмуртском языке представляют собой желательное наклонение [Кельмаков 2006: 145—146; Карпова 2018: 304—307].

[Иоанн РГИА]: *тодыса́лъ* ‘ты бы знал’ SBJV.2SG — литер. *тодысал(ыд)*, *шедьтыса́лъ* ‘он бы нашел’ SBJV.3SG — литер. *шедьтысал(ыз)*, *верасàлъ* ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *верасал(ыз)*, *яратыса́лды* ‘вы бы любили’ SBJV-2-PL — литер. *яратысалды*, *шедьтиса́лзы* ‘они бы нашли’ SBJV-2-PL — литер. *шедьтысалзы*, *эй бытатыса́лъ* ‘он бы не смог’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ӧй бытатысал(ыз)*, *э́мъ ку́ясалъ* ‘мы бы не бросали’ NEG.SBJV.1PL — литер. *ӧй куясалмы* и др.

Однако в памятниках можно отметить некоторые особенности. Во-первых, как утвердительные, так и отрицательные формы единственного числа в источниках употребляются без личных показателей, что на сегодняшний день характерно для северноудмуртских [Карпова 2018: 302] и средневосточных говоров [Бушмакин 1971: 302], а для южноудмуртских, напротив, свойственно оформление подобных форм маркерами лица [Кельмаков 2006: 147]. Во-вторых, в тексте [Иоанн АРАН] перед суффиксом *-салъ* происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения при условии отсутствия сочетания согласных перед этой гласной. Данное явление в первую очередь характерно для срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 62]. В-третьих, в рукописи [Иоанн РГИА] мы обнаружили отрицательную форму 1-го лица, образованную с помощью вспомогательного препозитивного глагола *эмъ*, указывающего на лицо и число (*э́мъ ку́ясалъ* ‘мы бы не бросали’ NEG.SBJV.1PL — литер. ***ӧй*** *куясалмы*). При этом, по данным лингвистов, отрицательный глагол в сослагательном наклонении в абсолютном большинстве современных диалектов имеет неспрягаемый характер, т. е. употребляется в форме *ӧй* во всех трех лицах как в единственном, так и во множественном числе [Кельмаков 1969: 394; Бушмакин 1971: 303; Люкина 2016: 113; Карпова 2018: 303—304]. Выявленный в [Иоанн РГИА] единичный нестандартный пример, на наш взгляд, представляет собой архаичную форму сослагательного наклонения.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.3.1. Морфологическим маркером **инфинитива** в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, а также в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является суффикс ***-ны***. При этом, как и перед формантом сослагательного наклонения, происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения, если перед ней нет сочетания согласных, ср.:

[Иоанн АРАН]: *выд**ны̀*** ‘лечь’ — литер. *выды**ны***, *жуг**ны̀*** ‘избить’ — литер. *жуг**ны***, *шуккы**ны̀*** ‘стукнуть’ — литер. *шуккы**ны***; *ара**ны̀*** ‘жать’ — литер. *ара**ны***, *улля**ны̀*** ‘прогнать’ — литер. *улля**ны***, *юва**ны̀*** ‘спросить’ — литер. *юа**ны*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *возматы**ны*** ‘показать’ — литер. *возьматы**ны***, *карын**ны̀*** ‘сделать’ — литер. *карын**ны***, *оскын**ны̀*** ‘верить’ — литер. *оскы**ны***; *вера**ны̀*** ‘сказать’ — литер. *вера**ны***, *лучка**ны̀*** ‘красть’ — литер. *лушка**ны***, *юва**ны̀*** ‘спросить’ — литер. *юа**ны*** и др.

Явление выпадения *ы* в инфинитивных формах зафиксировано не только в срединных говорах, но и в верхнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 344].

3.3.2. Причастия в рукописях маркируются следующими формантами:

1) ***-ысь***:

[Иоанн АРАН]: *кыл**ы̀сь*** ‘слышащий’ — литер. *кыл**ӥсь***, *лыкт**ы̀сь*** ‘приходящий’ — литер. *лыкт**ӥсь***, *ул**ы̀сь*** ‘живущий’ — литер. *ул**ӥсь*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылскы́**сь*** ‘слушающий’ — литер. *кылзӥськ**ись***, *сыл**ы́сь*** ‘стоящий’ — литер. *сыл**ӥсь***, *пукы́**сь*** ‘сидящий’ — литер. *пук**ись*** и др.;

2) ***-эмъ***/***-емъ*** (от глаголов I спряжения), ***-мъ*** (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *катьяськ**э̀мъ*** ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськ**ем***, *лыктэ̀**мъ*** ‘пришедший’ — литер. *лыкт**эм***, *сэртэ̀**мъ*** ‘развязанный’ — литер. *сэртт**эм*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *ворцкэ́**мъ*** ‘родившийся’ — литер. *вордск**ем***/*вордӥськ**ем***, *катъяскэ́**мъ*** ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськ**ем***, *кутскэ́**мъ*** ‘начавший’ — литер. *кутск**ем***; *вера́**мъ*** ‘сказанный’ — литер. *вера**м*** и др.;

3) ***-эмынъ***/***-емынъ*** (от глаголов I спряжения), ***-мынъ*** (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *гоштэ**мы̀нъ*** ‘записан’ — литер. *гожтэ**мын***, *истэ**мы̀нъ*** ‘отправлен’ — литер. *ыстэ**мын***, *пыжэ**мынъ*** ‘испечен’ — литер. *пыже**мын***; *вэрамы̀**нъ*** ‘сказан’ — литер. *вера**мын*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *каре**мы́нъ*** ‘сделан’ — литер. *каре**мын***, *лестэ**мы́нъ*** ‘сделан’ — литер. *лэсьтэ**мын***, *этэ**мы́нъ*** ‘зван’ — литер. *ӧтэ**мын***; *вера**мы̀нъ*** ~ *вера**мы́нъ*** ‘сказан’ — литер. *вера**мын*** и др.

На уровне морфологии в данном случае каких-либо особенностей не прослеживается. Соответствие маркера *-ысь* литературному *-ись*/*-ӥсь* в причастиях, образованных от глаголов I спряжения, скорее всего, как и в предыдущих случаях, объясняется орфографической нормой, о которой мы уже не раз упоминали.

3.3.3. Морфологическими маркерами **деепричастий** в рукописях являются показатели:

1) ***-са***:

[Иоанн АРАН]: *бэрыцкы**сӑ*** ‘повернувшись’ — литер. *берытскы**са***/*берыктйськы**са***, *кар**сӑ*** ‘сделав’ — литер. *кары**са***, *жут**сӑ*** ‘подняв’ — литер. *жуты**са***; *гажа**сӑ*** ‘любя’ — литер. *гажа**са***, *малпа**сӑ*** ‘думая’ — литер. *малпа**са***, *церекъя**сӑ*** ‘восклицая’ — литер. *черекъя**са*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылы**сӑ*** ‘услышав’ — литер. *кылы**са***, *лесты**сӑ*** ‘сделав’ — литер. *лэсьты**са***, *тоды**сӑ*** ‘узнав’ — литер. *тоды**са***; *вала**сӑ*** ‘понимая’ — литер. *вала**са***, *вера**сӑ*** ‘сказав’ — литер. *вера**са***, *церекъя**сӑ*** ‘восклицая’ — литер. *черекъя**са*** и др.;

2) ***-тэкъ*/*-текъ***:

[Иоанн АРАН]: *пыкыськы-**тэ̀къ*** ‘не отпираясь’ — литер. *пыкиськы**тэк***, *то́дъ**тэ́къ*** ‘не зная’ — литер. *тоды**тэк***, *у́цькы**тэкъ*** ‘не посмотрев’ — литер. *учкы**тэк***; *кы́шка-**тэ̀къ*** ‘не боясь’ — литер. *кышка-**тэк***, *малпа**тэ̀къ*** ‘не думая’ — литер. *малпа**тэк*** и др.;

[Иоанн РГИА]: *дышетски**тэ́къ*** ‘не учившись’ — литер. *дышетскы**тэк***, *уцкы**те́къ*** ‘не посмотрев’— литер. *учкы**тэк***, *тоды**те́къ*** ‘не зная’ — литер. *тоды**тэк***; *кышка**тэ́къ*** ‘не боясь’ — литер. *кышка**тэк*** и др.;

3) ***-ку-***:

[Иоанн РГИА]: *орци**ку́***зъ ‘когда он проходит’ 3SG — литер. *ортчы**куз***, диал. *цилалля**ку̀***зъ ‘когда она развратничает’ 3SG;

4) ***-тозь***:

[Иоанн АРАН]: *ул**то̀зь*** ‘до жизни’ — литер. *улы**тозь***.

Из приведенных примеров видно, что в тексте [Иоанн АРАН] перед маркерами *-са* и *-тэкъ*, как и перед показателями инфинитива *-ны* и сослагательного наклонения *-салъ*, рассмотренными выше, происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения. Стоит также обратить внимание на показатели *-ку* и *-тозь*, соответствующие литературным. Маркер *-ку* по своему происхождению является инновационным [Перевощиков 1959: 70; Серебренников 1963: 302] и представлен в современных среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2018: 356], а также в кильмезских говорах Кировской области [Кириллова, Титова 2016: 45], параллельно с более архаичным вариантом *-кы* может употребляться в отдельных срединных [Кельмаков 2006: 160] и бесермянских говорах [Люкина 2016: 132]. Суффикс *-тозь* по своему происхождению, напротив, является архаичным [Серебренников 1963: 305], встречается в отдельных говорах различных наречий удмуртского языка, однако в северных наречиях он функционирует лишь в дебесском и зуринском говорах верхнечепецкого диалекта [Карпова 2018: 359].

Следует отметить еще одну особенность, посредством которой текст [Иоанн РГИА] явно отличается от [Иоанн АРАН] и современного литературного языка. Во всех глагольных формах, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, ударение в рукописи, хранящейся в РГИА, падает не на последний слог слова, а на предпоследний (примеры см. выше). Это явление на данный момент отмечено диалектологами в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2018: 124], в бесермянском наречии [Люкина 2016: 46] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 74]. Подобные формы с ударением не на последнем слоге слова, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего, восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [Кельмаков 1993: 33].

4. Выводы

Итак, как мы указали в начале статьи, для определения диалектной основы письменных памятников важны инновационные явления. Инновации, которые нам удалось зафиксировать в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, мы можем разделить на три группы:

1) инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях;

2) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН];

3) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА].

В таблице 3 приведены морфологические явления, относящиеся к каждой из этих групп, и их распределение по современным удмуртским диалектам.

Учитывая данные этой таблицы, можно утверждать, что в основе первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна лежат говоры северноудмуртского наречия, поскольку в них представлены все обнаруженные инновации. Кроме того, четыре явления из восьми встречаются в срединных говорах, граничащих с северными диалектами.

Таблица 3. Распределение инновационных явлений по современным удмуртским диалектам

Морфологическая особенность	сев. вч.	сев. сч.	сев. нч.	бес.	сред.	юж.	пю.
I. Инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях							
Употребление лично-притяжательных маркеров с *и*-овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства	+	+	+	+	+		
Употребление как утвердительных, так и отрицательных форм единственного числа сослагательного наклонения без личных показателей	+	+	+		+		
Маркировка деепричастий с временным значением показателем *-ку*	+	+		+	+		
II. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН]							
Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на *-ты-*, с помощью суффикса *-цьк(ы)-* (*-цк(ы)-*)	+					+	
Маркировка форм настоящего времени от глаголов I спряжения, оканчивающихся на *-ты-*, показателями *-цько-*, *-цьк-*	+					+	
Выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения *-салъ*, показателем инфинитива *-ны* и маркерами деепричастий *-са* и *-тэкъ* (при условии отсутствия сочетания согласных перед *ы*)	+				+		
III. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА]							
Выпадение конечной *и* основы перед маркерами инессива и иллатива в существительных, образованных с помощью суффикса *-ни*		+					
Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на *-ты-*, с помощью суффикса *-ск(ы)-*	+	+	+				

Стоит также отметить, что на последней странице рукописи [Иоанн РГИА] указана информация о тех, кто работал над переводом: «Переводилъ сіе Благовѣствованіе Сарапульской округи села Дебесскаго Николаевской церкви священникъ Павелъ Тронинъ. При переводѣ наибольшею частію ему способствовалъ, и въ чемъ следовало, переводъ его выправлялъ Глазовской округи села Балезинскаго Петропавловской церкви священникъ Стефанъ Анисимовъ. Сей переводъ въ общемъ собраніи читали, и еще, въ чемъ показалось нужно, при глазовскомъ купцѣ Иванѣ Волковѣ, выправляли Глазовской округи села Святицкаго протоіерей Аѳанасій Шкляевъ, онъ и переписывалъ». Таким образом, результат, полученный в процессе анализа морфологии этого памятника, не противоречит указанным данным. При длительной подготовке, внесении многочисленных правок язык источника был, как видно из таблицы 3, максимально приближен к среднечепецкому диалекту.

На страницах другой рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, никакой информации об авторах работы нет. Однако, учитывая результаты анализа, отраженные в таблице 3, мы можем предположить, что в основе [Иоанн АРАН], скорее всего, лежит один из верхнечепецких говоров северного наречия удмуртского языка.

Сокращения

Языки и диалекты

бес. — бесермянское наречие
пю. — периферийно-южный диалект
сев. — северное наречие
вч. — верхнечепецкий диалект
нч. — нижнечепецкий диалект
сч. — среднечепецкий диалект
сред. — срединные говоры
юж. — центрально-южный диалект

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
1PST — первое (очевидное) прошедшее время
2PST — второе (неочевидное) прошедшее время
ABL — аблатив

ACC — аккузатив
AUX — вспомогательный глагол
CONV — деепричастие
DAT — датив
ELA — элатив
FUT — будущее время
ILL — иллатив
IMP — повелительное наклонение
INE — инессив
INF — инфинитив
INS — инструменталь
ITER — итератив
NEG — отрицательный глагол
PL — множественное число
POSS — посессивный показатель
PROL — пролатив
PRS — настоящее время
REFL — рефлексив
SBJV — сослагательное наклонение
SG — единственное число

О б щ и е

диал. — диалект, диалектный
литер. — литературная форма, литературный язык
РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Л и т е р а т у р а

Алашеева 1982 — *А. А. Алашеева*. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.

Атаманов 1981 — *М. Г. Атаманов*. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96.

Безенова 2022а — *М. П. Безенова.* Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М., 2022.

Безенова 2022б — *М. П. Безенова*. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022, 4 (47). С. 7—27.

Бушмакин 1969 — *С. К. Бушмакин*. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969, V. С. 59—69.

Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.

Вахрушев 1959 — *В. М. Вахрушев.* Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки УдмНИИ. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 228—241.

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

ДАУЯ 2013 — Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013.

Ившин 2012 — *Л. М. Ившин.* Первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык: графико-орфографический анализ // Linguistica Uralica. 2012, 4 (XLVIII). С. 276—283.

Иоанн АРАН — От Иоанна святое Благовествование // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. 61 л.

Иоанн РГИА — От Иоанна святое Благовествование // РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.

Кайсина 2013 — *М. П. Кайсина.* Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 115—126.

Камитова, Ившин 2012 — *А. В. Камитова*, *Л. М. Ившин*. Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 14—24.

Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова.* Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дис. … докт. филол. наук. Ижевск, 2018.

Кельмаков 1969 — *В. К. Кельмаков.* Кукморский диалект удмуртского языка. Дис. … канд. филол. наук. М., 1969.

Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.

Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.

Кириллова, Титова 2016 — *Л. Е. Кириллова*, *О. В. Титова*. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): Материалы XVI Всероссийской конференции. Уфа, 2016. С. 43—45.

Кондратьева 2011 — *Н. В. Кондратьева.* Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дис. … докт. филол. наук. Ижевск, 2011.

Луппов 1905 — *П. Н. Луппов.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

Лыткин 1931 — *В. И. Лыткин.* К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сборник статей. Вып. II. М., 1931. С. 101—111.

Люкина 2016 — *Н. М. Люкина*. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016.

Максимов 2013 — *С. А. Максимов*. Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка — мать отца», «Бабушка — мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка — отец отца», «Дедушка — отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013. С. 204—258.

Максимов 2018 — *С. А. Максимов*. О пермском словообразовательном суффиксе существительных с локальным значением — удм. *-ńi* // коми *-in* // Linguistica Uralica. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 270—285.

Перевощиков 1959 — *П. Н. Перевощиков*. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

Серебренников 1963 — *Б. А. Серебренников.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Тараканов 1984 — *И. В. Тараканов*. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25—34.

Тепляшина 1970 — *Т. И. Тепляшина*. Язык бесермян. М., 1970.

УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. *Н. Н. Тимерханова*. Ижевск, 2011.

УКШГК 2022 — Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам (Шонер гожъяськонъя правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет (Орфографический словарь удмуртского языка (с правилами правописания): Около 55 000 слов и словосочетаний). Ижевск, 2022.

Kövesi 1965 — *M. Kövesi.* A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Uotila 1933 — *T. E. Uotila.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1987 — *Y. Wichmann.* Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet *Y. Wichmann*; Bearb. *T. E. Uotila*, *M. Korhonen*; Hrsg. *M. Korhonen.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).

References

Alasheeva 1982 — A. A. Alasheeva. Verkhnechepetskie govory I. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 91—105. {A. A. Alasheeva. Upper-Cheptsa dialects I. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}

Atamanov 1981 — M. G. Atamanov. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtskogo narechiya. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 45—96. {M. G. Atamanov. Grakhov dialects of the South Udmurt dialect. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh. T. III. Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th century. Moscow, 2022.}

Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Morfologicheskie osobennosti pervykh pechatnykh Evangelii na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 4 (47). S. 7—27. {M. P. Bezenova. Morphological features of the first printed Gospels in the Udmurt language. In: Ural-Altaic Studies. 2022, 4 (47). P. 7—27.}

Bushmakin 1969 — S. K. Bushmakin. Morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. In: Sovetskoye finno-ugrovedeniye. 1969, V. S. 59—69. {S. K. Bushmakin. Morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1969, V. P. 59—69.}

Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

DAUYA 2013 — Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. {Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013.}

GSUYA 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}

Ioann ARAN — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: SPbF ARAN. F. 94. Op. 1. D. 244, 61 l. {From John the Holy Gospel. In: // St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS. Fund 94. List 1. Case 244. 61 sheets.}

Ioann RGIA — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: RGIA. F. 808. Op. 1. 1821 g. D. 177. {From John the Holy Gospel. In: Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Fund 808. List 1. 1821. Case 177.}

Ivshin 2012 — L. M. Ivshin. Pervyi opyt perevoda Evangeliya ot Ioanna na udmurtskii yazyk: grafiko-orfograficheskii analiz. In: Linguistica Uralica. 2012, 4 (XLVIII). S. 276—283. {L. M. Ivshin. The first experience of translating the Gospel of John into the Udmurt language: graphic and spelling analysis. In: Linguistica Uralica. 2012, 4 (XLVIII). P. 276—283.}

Kaisina 2013 — M. P. Kaisina. Dialektnaya osnova pervogo // “Evangeliya ot Ioanna” na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2013, 1 (8). S. 115—126. {M. P. Kaisina. Dialect basis of the first “Gospel of John” in the Udmurt language. In: Ural-Altaic Studies. 2013, 1 (8). P. 115—126.}

Kamitova, Ivshin 2012 — A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Osobennosti perevoda “Evangeliya ot Ioanna” na udmurtskii yazyk v nachale XIX veka. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2012, 2 (7). S. 14—24. {A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Features of the translation of the “Gospel of John” into the Udmurt language at the beginning of the 19th century. In: Ural-Altaic Studies. 2012, 2 (7). P. 14—24.}

Karpova 2018 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Dis. … dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}

Kel'makov 1969 — V. K. Kel'makov. Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka. Dis. … kand. filol. nauk. Moskva, 1969. {V. K. Kelmakov. The Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis. Moscow, 1969.}

Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kelmakov. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Izhevsk, 1993.}

Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {V. K. Kelmakov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}

Kirillova, Titova 2016 — L. E. Kirillova, O. V. Titova. O nekotorykh morfologicheskikh osobennostyakh kil'mezskikh govorov udmurtskogo yazyka. In: Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii. XVI Vserossiiskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem): Materialy XVI Vserossiiskoi konferentsii. Ufa, 2016. S. 43—45. {L. E. Kirillova, O. V. Titova. On some morphological features of the Kilmez dialects of the Udmurt language. In: Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. XVI All-Russian Conference (with international participation): Materials of the XVI All-Russian Conference. Ufa, 2016. P. 43—45.}

Kondrat'eva 2011 — N. V. Kondrat'eva. Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Avtoref. dis. … dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Variation of nouns in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Summary of the Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}

Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Luppov 1905 — P. N. Luppov. O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya: Ocherk iz istorii inorodcheskikh perevodov. Kazan', 1905. {P. N. Luppov. On the first Votyak translations of the sources of christian enlightenment: An essay on the history of foreign translations. Kazan, 1905.}

Lytkin 1931 — V. I. Lytkin. K proiskhozhdeniyu suffiksa mnozhestvennogo chisla “jos” v udmurtskom yazyke. In: Na udmurtskie temy: Sb. statei. Vyp. II. Moskva, 1931. S. 101—111. {V. I. Lytkin. On the origin of the plural suffix “jos” in the Udmurt language. In: Udmurt topics: Collection of papers. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}

Lyukina 2016 — N. M. Lyukina. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan. Izhevsk, 2016. {N. M. Liukina. Phonetic and morphological features of the language of the Lekma and Yunda Besermians. Izhevsk, 2016.}

Maksimov 2013 — S. A. Maksimov. Kommentarii k kartam: “Mat'”, “Obrashchenie k materi”, “Babushka — mat' ottsa”, “Babushka — mat' materi”, “Otets”, “Obrashchenie k ottsu”, “Dedushka — otets ottsa”, “Dedushka — otets materi”, “Otchim”. In: Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. S. 204—258. {S. A. Maksimov. Commentary on the cards: “Mother”, “Appeal to mother”, “Grandmother is the mother of the father”, “Grandmother is the mother of the mother”, “Father”, “Appeal to the father”, “Grandfather is the father of the father”, “Grandfather is the father of the mother”, “Stepfather”. In: Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013. P. 204—258.}

Maksimov 2018 — S. A. Maksimov. O permskom slovoobrazovatel'nom suffikse sushchestvitel'nykh s lokal'nym znacheniem — udm. *-ńi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. T. 54. Vyp. 4. S. 270—285. {S. A. Maksimov. On the Permian word-formation suffix of nouns with local meaning — udm. *-ńi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. Vol. 54. Issue 4. P. 270—285.}

Perevoshchikov 1959 — P. N. Pepevoshchikov. Deeprichastiya i deeprichastnye konstruktsii v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 1959. {P. N. Perevoshchikov. Adverbs and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk, 1959.}

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963.}

Tarakanov 1984 — I. V. Tarakanov. Povelitel'noe naklonenie, formy ego vyrazheniya i ikh znacheniya v udmurtskom yazyke. In: Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1984. S. 25—34. {I. V. Tarakanov. The imperative mood, forms of its expression and their meanings in the Udmurt language. In: Questions of grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1984. P. 25—34.}

Teplyashina 1970 — T. I. Teplyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Teplyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskon izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) // Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication // Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

UKSHGK 2022 — Udmurt kylyn shoner gozh"yas'kon"ya kyllyukam (Shoner gozh"yas'kon"ya praviloosyn): 55000 pala kyl no kyltehchet (Orfograficheskii slovar' udmurtskogo yazyka (s pravilami pravopisaniya): Okolo 55 000 slov i slovosochetanii). Izhevsk, 2022. {Spelling dictionary of the Udmurt language (with spelling rules): About 55 000 words and phrases. Izhevsk, 2022.}

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Vakhrushev 1959 — V. M. Vakhrushev. Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtskogo yazyka. In: Zapiski UdmNII. Vyp. 19. Izhevsk, 1959. S. 228—241. {V. M. Vakhrushev. About the peculiarities of the dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. In: Notes of Udmurt Research Institute. Issue 19. Izhevsk, 1959. P. 228—241.}

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).